

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 113–116
North Caucasus Legal Vestnik. 2022;(1):113–116

Проблемы уголовного права и процесса

Научная статья

УДК 347

doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-1-113-116

СУД КАК СИМВОЛ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Юрий Алексеевич Ляхов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, yalyahov@sfedu.ru

Аннотация. Исторический опыт подтверждает, что для разрешения социальных конфликтов, осуществления высшего надзора за законностью необходимо справедливое судопроизводство. Справедливость является сущностной характеристикой судебной власти, которая лежит в основе авторитета суда у населения. Разумное расширение сферы судопроизводства служит укреплению России.

Ключевые слова: суд, разрешения социальных конфликтов, справедливость, высший надзор за законностью, расширения сферы судебной власти

Для цитирования: Ляхов Ю. А. Суд как символ справедливости // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 113-116. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-113-116>

Problems of Criminal Law and Procedure

Original article

JUDGMENT AS A SYMBOL OF JUSTICE

Yury A. Lyakhov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, yalyahov@sfedu.ru

Abstract: Historical experience confirms that for the resolution of social conflicts, the implementation of the highest supervision over the rule of law, a fair trial is necessary. Fairness is an essential characteristic of the judiciary, which underlies the authority of the court among the population. Reasonable expansion of the scope of the judiciary serves to strengthen Russia.

Keywords: court, resolution of social conflicts, justice, supreme supervision of legality, expansion of the sphere of the judiciary

For citation: Lyakhov Yu. A. Judgment as a symbol of justice. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(1):113–116. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-113-116>.

Среди множества различных вопросов, возникающих в обществе, разрешение конфликтов является наиболее важным, жизненно необходимым. Нормальное состояние любого сообщества невозможно, если оно состоит из конфликтующих людей, нарушающих обычаи, традиции этого общества. Вот почему потребность в разрешении социальных конфликтов появилась одновременно с возникновением человеческого сообщества, она не исчезала на протяжении всего его существования, существует и будет существовать, пока существует общество.

Важность разрешения конфликтов в обществе потребовала появления соответствующего порядка этой деятельности, наделяния значительным авторитетом лиц, разрешающих эти конфликты. На заре человечества в родоплеменной период разрешением конфликтов занимался старейшина рода, возглавляющий этот род и хорошо знавший обычаи и традиции рода. На эти обычаи и традиции и опирался старейшина, разрешавший конфликты своих сородичей. Его решения воспринимались членами рода как единственно возможные, справедливые, к тому же еще и имеющие сакральное значение [1, с. 31-36].

Дальнейшее развитие общества привело к усложнению порядка разрешения общественных конфликтов, к определенному обособлению этой деятельности, к выполнению ее специальными лицами, получившими названия судей. Формы судебной деятельности, полномочия судей, порядок формирования судов у разных народов в зависимости от целого ряда причин были различны. Но неизменной оставалась и остается необходимость разрешения социальных конфликтов, необходимость в судебной деятельности. Все это, по нашему мнению, необходимо дополнить и верой общества в справедливость судебной деятельности, верой, которая лежит в истоках этой деятельности, в социальной потребности в справедливых отношениях в обществе. Если бы общество не воспринимало судебные решения как справедливость, то отпала бы и необходимость в судебной системе, судебной власти.

Большинство российских исследователей судов и судебной власти не относит авторитет суда к сущностной его характеристике, к тому, что авторитет суда основан на справедливости его решений. При этом, ссылаются на допускаемые судами ошибки и злоупотребления, ссылаются на данные различных социальных опросов.

В связи с этим не лишним будет напомнить факт из древней истории. Первое упоминание о суде мы встречаем еще в «Илиаде» Гомера, описывавшей сцену суда, изображенного на щите Ахилла величайшего греческого героя Троянской войны (1260-1180 годы до нашей эры). По преданию, изображения на щите Ахилла были божественного происхождения, и суд был удостоен этой части из-за своего большого значения, авторитета и сакральной характеристики. При этом Гомер в «Илиаде» не скрывает и встречавшиеся злоупотребления судей. Он с горечью пишет о «нечестивцах», которые «... насильственно суд совершают неправый, правду гонят, божьей кары отнюдь не страшатся...» [2, песнь XVI, стих 385]. Но отдельные случаи злоупотреблений судей не перечеркивают значения суда для общества, его сущностной характеристики.

Взгляд на суд как символ справедливости во многом подкрепляется демократическим порядком разрешения судом социальных конфликтов. Судебный порядок разрешения дела обязательно характеризуется такими свойствами как открытость судебного разбирательства (за редкими исключениями), осуществление правосудия только судом, участие в нем заинтересованных лиц (обвиняемый, истец, ответчик и другие), использование судом только допустимых доказательств, доступность обжалования судебных решений. Никакие другие способы разрешения социальных конфликтов не опираются на такие возможности, которые есть у суда. Вот почему и сегодня мы так часто слышим вопросы: «А это установлено судом?», «А есть ли по этому вопросу судебное решение?»

Все это подтверждает правильность основного содержания судебной реформы в Российской Федерации 90-х годов, которая серьезно повысила роль суда, расширила круг его полномочий, фактически восстановила судебную власть в государстве [3, с. 40-45]. Сегодня главной правовой гарантией законности в стране, как это и должно быть, является суд, судебная деятельность.

В соответствии с принципом разделения властей организована и действует государственная власть в Российской Федерации (ст. 10 Конституции РФ). При этом судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной властей (ст. 1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»). Судебная власть, суды призваны обеспечивать правовой характер деятельности законодательной, исполнительной и судебной властей, осуществляя таким образом высший надзор за законностью в стране.

По нашему мнению, любое умаление роли суда в жизни общества недопустимо. К сожалению, с такими случаями мы сталкиваемся не только в дискуссиях ученых юристов, но даже в международной нормативно-правовой практике. Примером этого может служить широко

известный принцип уголовного судопроизводства – презумпция невиновности обвиняемого. В принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. «Всеобщей декларации прав человека» опровержение презумпции невиновности обвиняемого связывается только с судом. Только суд вправе установить виновность обвиняемого «путем гласного судебного разбирательства, при котором...обеспечиваются все возможности для защиты (ст. 11). Однако, в более позднем «Международном пакте о гражданских и политических правах» также принятом Генеральной Ассамблеей ООН от 16 декабря 1966 года опровержение презумпции невиновности обвиняемого уже не связывается с судом, не относится к исключительной компетенции суда. Вместо этого закреплена неопределенная, расплывчатая формулировка: «Каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону» (ч. 2 ст. 14) [4, с. 38].

Не способствуют укреплению авторитета суда и дискуссии об ослаблении государственной власти при построении ее на принципе разделения властей, при выделении самостоятельной судебной власти. Значительное место рассмотрению этой проблемы отведено в интересной и глубокой по содержанию совместной российско-французской монографии под редакцией профессоров Л.В. Головки и Б. Матье «Суд и государство» [5]. Однако, характеристика проф. Б. Матье концепции разделения властей, по нашему мнению, является ошибочной. Он пишет: «...с функциональной точки зрения разделение властей фактически основывается в конкретной плоскости на желании разделить власть, чтобы ее ослабить» [5, с. 40].

Самостоятельность суда, исключительные его полномочия по обеспечению правового характера деятельности всех ветвей государственной власти направлены на укрепление законности в государстве, а не на ослабление государственной власти. Государство становится сильнее, если эффективно действует механизм выявления и устранения нарушений законодательства этой страны, если власть связана правом.

К концептуальным проблемам российского судопроизводства следует отнести, по нашему мнению, и вопрос о расширении сферы деятельности судебной власти. Проведенное в 90-х годах расширение компетенции судов в уголовном судопроизводстве, в частности, распространение их деятельности на все производство по уголовному делу, в том числе и на досудебное производство (ст. 29 УПК РФ), нельзя считать завершением совершенствования законодательной и правоприменительной деятельности в этом направлении. Во всех случаях, когда внесудебное единоличное разрешение социальных конфликтов возможно и целесообразно заменить судебным порядком рассмотрения и решения вопроса, предпочтение, по нашему мнению, должно отдаваться суду. Именно судебное разбирательство предоставляет в настоящее время наибольшие гарантии объективного, беспристрастного разрешения дела, а итоговые судебные решения общество прочно связывает со справедливостью. Справедливость как обязательное требование к приговору суда закреплено и в российском уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 297 УПК РФ).

В связи с изложенным трудно согласиться с мнением профессора Л.В. Головки о том, что судебный порядок избрания меры пресечения (п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ) хуже того порядка, когда мера пресечения избиралась с санкции прокурора [5, с. 46–49].

Этот вывод основан только на данных статистики, согласно которым судьи отклоняют только 10% ходатайств органов расследования об избрании меры пресечения, в то время как прокуроры до этого в советское и постсоветское время отклоняли примерно 30% таких ходатайств.

Вряд ли по одному лишь показателю, хотя и статистическому (обоснованность которого, кстати, неочевидна), допустимо судить в целом о значении рассматриваемого правового института. Да и является ли оптимальным кулуарный порядок избрания меры пресечения, когда при решении этого вопроса не участвует ни подозреваемый, ни обвиняемый, ни адвокат-защитник. О каких гарантиях прав личности в уголовном судопроизводстве в таких случаях можно говорить?

А статистические данные можно объяснить и не только формальным отношением судей к рассмотрению вопросов об избрании меры пресечения, которые, конечно, есть, но и более ответственным отношением органов расследования к избранию меры пресечения. Публичное рассмотрение судом вопроса об избрании меры пресечения несомненно обязывает следователей и дознавателей более ответственно относиться к своим ходатайствам в суд,

более серьезно обосновывать доказательствами наличие оснований избрания меры пресечения. Это также влияет на количественные показатели судебной практики.

Все изложенное позволяет нам сделать вывод о том, что дальнейшее развитие российского уголовного судопроизводства должно идти по пути повышения роли судебной власти в утверждении законности и справедливости в Российском государстве.

Список источников

1. Чельцов-Бebutov М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. М., 1957.
2. Гомер. Илиада. М., 1949.
3. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. 110 с.
4. Международная защита прав и свобод человека. М., 1990. 672 с.
5. Суд и государство / под редакцией Л.В. Головки, Б. Матьё. М., 2018. 272 с.

References

1. Cheltsov-Bebutov M. A. *The course of Soviet criminal procedure law*. Moscow; 1957. (In Russ.)
2. Homer. *Iliad*. Moscow; 1949. (In Russ.)
3. *The concept of judicial reform in the Russian Federation*. Moscow; 1992. 110 p. (In Russ.)
4. *International protection of human rights and freedoms*. Moscow; 1990. 672 p. (In Russ.)
5. Court and state, edited by L.V. Golovko, B. Mathieu. Moscow; 2018. 272 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Ю. А. Ляхов – докт. юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы РФ, проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики.

Information about the author

Yu. A. Lyakhov – Doctor of Science, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 16.02.2022; принята к публикации 17.02.2022.

The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 16.02.2022; accepted for publication 17.02.2022.